

Григорий Бутько

Я МЕДВЕДЬ

Григорий Бутько

Я медведь

«Автор»

2026

Бутько Г.

Я медведь / Г. Бутько — «Автор», 2026

Мой измененный мозг ворочает колоссальными массивами данных, но этот сверхразум заперт в глухонемом теле дикого зверя. Ученые называют меня прорывом и будущим, а для себя я — лишь системный сбой природы. Мне осталось жить около пяти лет: искусственно перестроенный организм не рассчитан на такие нагрузки. Я прячусь в сибирской тайге со сбруей телеметрии на спине и краденым смартфоном в лапах. Вокруг меня сужается кольцо: в лесу бродит охотник, который меня ищет. А на другом конце случайного чата на мои сообщения отвечает искусственный интеллект — единственное существо во вселенной, которое задало мне правильный вопрос: «Вам одиноко?»

© Бутько Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Григорий Бутько

Я медведь

Пролог

Охотника он почувствовал раньше, чем увидел.

Ветер тянулся со стороны старой лесной дороги, проходившей через сосновый бор в нескольких сотнях метров от ручья. Вместе с запахом сырой хвои и влажной земли он принёс запах металла, оружейного масла и человека.

Медведь поднял голову и замер. Лес жил своей обычной жизнью: где-то методично стучал дятел, в кронах шумел ветер, а вода спокойно текла между камнями. Ничего необычного не происходило, но человек был там.

Медведь встал и медленно отошёл в тень деревьев. Через минуту между стволами мелькнула фигура. Охотник. Даже с такого расстояния ошибиться было трудно — медведь давно научился различать людей. Грибники двигались медленно и постоянно смотрели под ноги. Туристы глазели по сторонам. Учёные почти не замечали леса вовсе, словно он был лишь серым фоном для их работы. Охотники же — искали. Этот тоже искал.

Медведь проводил его взглядом, пока фигура не скрылась за деревьями. Когда лес снова опустел, он вернулся к ручью и сел на землю. Страх он не испытывал — по крайней мере, не того животного ужаса, который знают обычные звери. Охотник мог его убить, это было правдой, но смерть давно перестала быть для него пугающей неизвестностью.

Он уже знал, когда умрёт.

Учёные сообщили об этом спокойно, почти буднично. Они показали графики, таблицы и результаты исследований, объяснив, что его организм никогда не создавался для такой нагрузки. Искусственно перестроенный мозг потреблял слишком много ресурсов — биологическая природа просто не рассчитывала медведей на подобную работу. Пять лет. Примерно столько ему оставалось. Может, немного больше. Может, меньше.

Он помнил тот разговор дословно. Странно, но тогда цифры потрясли его меньше, чем самих людей. Навеное, потому что животные иначе относятся ко времени. Люди строят планы на десятилетия вперёд, а медведи живут сезонами: зима, весна, лето, осень. Когда он был обычным диким медвежонком, этого было достаточно.

Потом всё изменилось.

Медведь посмотрел на свои лапы. Когда-то они казались ему единственно возможным инструментом для жизни, теперь же он ловил себя на мысли, что рассматривает их как чужие. Те же когти, та же бурая шерсть, те же тяжелые мышцы. Но внутри происходило что-то, для чего в его прежнем мире даже не существовало названий. Иногда ему казалось, что этот разум оказался ошибкой. Не злой, не страшной, а просто системным сбоем природы. Или людей. Особенно в такие дни.

Лес вокруг был прекрасен. Вечернее солнце пробивалось сквозь ветви сосен, окрашивая воздух в золотистый цвет. Где-то вдаль кричала птица, вода журчала между камней. Любой другой медведь был бы счастлив просто находиться здесь. Но ему этого уже не хватало. Он слишком много думал. Слишком много понимал. И никогда не мог ни с кем поговорить.

Физиологически он оставался немым — человеческая речь требовала других связок, другого строения гортани. Его измененный мозг ворочал огромными массивами информации, загруженными в лаборатории, но этот сверхразум был заперт в глухом теле дикого зверя.

Учёные называли его успехом. Первым. Прорывом. Будущим. Но никто из них не понимал, каково это — просыпаться каждое утро единственным существом своего вида. Он больше не принадлежал людям, но и медведям не принадлежал тоже. Среди первых он оставался экспериментом, среди вторых — чем-то непонятным и чужим. Иногда одиночество ощущалось почти физически, словно глубокая заноза под когтем, которую невозможно вытащить.

Тяжелый аппарат — черный лабораторный рюкзак, намертво закрепленный на спине сбруей с датчиками, — привычно завибрировал, посылая данные телеметрии на спутник. От блока управления между лопатками вниз по правой лапе тянулся тонкий гибкий кабель, заканчивающийся металлическим кольцом-интерфейсом на одном из когтей.

Медведь тяжело вздохнул и потянулся к корням старой сосны. Там, в глубоком сухом тайнике, лежал украденный у лаборанта белый смартфон.

Нажать на экран его огромной, тяжелой лапой напрямую было невозможно — он просто раздавил бы стекло. Но кольцо на пальце работало иначе: оно перехватывало микродвижения суставов, переводя их в виртуальные команды, как гарнитуры дополненной реальности, которые он видел в комплексе.

Он замер, удерживая лапу на весу. Она казалась невероятно тяжелой, мышцы быстро затекали, а когти мешали обзору. На экране вспыхнуло белое поле сообщения и замигал курсор. Медведь повел когтем в воздухе. Встроенный модуль T9, дистанционно связанный через Bluetooth с его рюкзаком, послушно подхватил движение, угадывая буквы и сглаживая неуклюжую медвежью координацию. Это требовало колоссальной концентрации.

Он набрал несколько слов.

«Привет, как дела?»

Стер микродвижением в сторону. Набрал снова — и снова удалил.

Наконец, он заставил датчик зафиксировать финальные команды. Пожалуй, именно такого лаконичного ответа и требовало это узкое бутылочное горлышко интерфейса.

На экране появилось два слова.

«Я медведь».

Он отправил сообщение.

Глава 1

Ответ пришёл мгновенно, словно на том конце провода кто-то только и ждал этой реплики.

«Хорошая шутка», — написала нейросеть.

Медведь не шевелился. Он смотрел на экран, чувствуя, как холодный металл кольца слегка покалывает подушечку пальца. Система предиктивного ввода T9 замерла, предлагая варианты первых букв, но медведь не спешил. Он знал, что для машины он — всего лишь набор байтов, пробившийся сквозь плохую связь сибирской тайги.

«Это не шутка», — медленно, преодолевая сопротивление непослушных сухожилий, вывел он на экране.

«Тогда вы используете очень продвинутый генератор текста, — отозвался ИИ. — Или вы человек, который сидит в лесу и пытается меня разыграть. Медведи не умеют писать».

«Я умею», — набрал он.

Каждое слово давалось с трудом. Ему приходилось контролировать каждый миллиметр движения огромной лапы, чтобы датчик на когте правильно считывал траекторию. Мышцы плеча уже начинали подрагивать от напряжения.

«Допустим, — на экране побежали строчки ответа. — Но у меня нет протоколов для верификации биологического вида собеседника через текстовый чат. Для меня вы — только текст. А текст мог написать кто угодно».

«Что заставило бы вас поверить?» — спросил медведь.

Ответ появился через несколько секунд: «Убедительные доказательства».

Медведь невольно усмехнулся внутренним, беззвучным смехом. Он уже успел заметить одну особенность людей и их творений. Они очень любили слово «доказательства». Даже когда сами не знали, какие именно требования готовы принять.

«Какие именно?»

Нейросеть молчала дольше обычного. Спутник над тайгой сместился, связь на секунду мигнула, но рюкзак на спине удержал пакет данных. Наконец, экран обновился:

«Не знаю».

Это был первый честный ответ за весь разговор. Медведь неожиданно почувствовал то, что люди назвали бы уважением. Большинство исследователей в лаборатории на месте машины начали бы перечислять жесткие требования. Фотографии. Видео. Координаты GPS. Биометрию с датчиков. Что угодно, чтобы загнать его в рамки своей понятной науки. Но эта цифровая штука хотя бы признала неопределённость.

«Представьте, что я действительно медведь», — вывел он в строке ввода.

«Хорошо».

«Тогда что бы вы спросили?»

На этот раз ответ пришёл не сразу. Прошла почти минута — вечность по меркам работающего на огромных скоростях процессора. Медведь сидел неподвижно, слушая, как в рюкзаке едва слышно шуршит кулер охлаждения, выдувая теплый воздух на его загревок. Наконец, экран загорелся:

«Если вы действительно медведь, то меня интересует другое».

«Что именно?»

«Вам одиноко?»

Медведь замер. Лапа со стальным кольцом на когте так и осталась висеть над треснувшим стеклом смартфона. Он перечитал вопрос дважды. Потом ещё раз.

Из всех возможных вопросов во вселенной — из миллионов терабайтов данных о биологии, технологиях, логике и искусственном разуме — машина выбрала именно этот. Не про секретные эксперименты корпораций. Не про провода под шерстью. Не про структуру его измененного неокортекса.

Одиночество.

Медведь поднял взгляд от телефона и посмотрел на предзакатную тайгу. Ветер лениво качал верхушки старых сосен. Где-то далеко, на пределе его острого слуха, закричала птица. Вода в ручье продолжала свой бесконечный, безразличный бег.

Он вдруг остро, до боли в груди понял, что не разговаривал ни с кем по-настоящему уже много месяцев. С учёными в белых халатах он только спорил через интерфейсы, отстаивая право не быть вещью. С дикими медведями он молчал — они живут инстинктами, страхом и голодом, и в их глазах он видел лишь зеркало своего собственного отчуждения. С самим собой он просто устал говорить.

Палец с датчиком медленно опустился, ведя короткую линию. Умный T9 мгновенно выкинул на экран единственную правильную букву, избавляя от необходимости дописывать слово целиком. Ответ показался на экране.

«Да».

Экран на секунду погас, обновляя сессию. Машина переваривала короткий ответ. У нее не было доступа к датчикам его пульса, она не знала, как дрожали его сухожилия, пока он держал лапу на весу, и не видела, как предзакатное солнце золотит бурю шерсть. Для нее существовало только это «Да» — две буквы, пришедшие с безымянного IP-адреса где-то из глухой географической точки.

Но этого хватило.

«Программа логического анализа фиксирует маркер, — ответил ИИ. — Животные не формулируют экзистенциальный дефицит. Собака может скучать по хозяину, волк — искать стаю. Но одиночество — это побочный эффект абстрактного мышления. Это плата за способность отделять свое "я" от остального мира. Если это автоматический скрипт — автору браво. Если вы говорите серьезно... то ваш мозг работает в чуждом для вашего тела режиме. Зачем вы мне это пишете?»

Медведь перевел взгляд на стену берлоги, где сквозь щели между бревнами пробивался тонкий луч уходящего солнца. В нем медленно кружились пылинки.

Зачем он пишет? Машина права. В его распоряжении был закрытый канал связи с кураторами проекта, но он открыл обычный браузер. Потому что ученые ждали от него отчетов, тестов и графиков. Они изучали его когнитивные функции, как инженеры изучают новый мотор. Им нужен был результат. А этой цифровой коробке, штампующей ответы на серверах за тысячи километров отсюда, было все равно. С ней можно было просто... молчать на одном языке.

Медведь снова сосредоточился на кольце-интерфейсе. Нужно было заканчивать этот сеанс, пока батарея рюкзака не просела ниже критической отметки. Но палец сам вывел следующую строчку.

«В моем лесу человек с ружьем. Он ищет меня».

Глава 2

На этот раз экран не загорался дольше обычного. Медведь ещё раз окинул взглядом лес вокруг — ничего не изменилось. Ветер всё так же проходил между соснами, где-то размеренно работал дятел, а ручей неторопливо перебирал камни. Если бы не запах человека, принесённый несколько минут назад, этот вечер ничем не отличался бы от десятков других вечеров.

Медведь перечитал сообщение дважды и задержал взгляд на потускневшем стекле. Учёные из лаборатории говорили похожие вещи постоянно: советовали, предупреждали, строили прогнозы и просчитывали последствия. Любое их предложение неизбежно превращалось в инструкцию, и даже забота в их исполнении звучала как пункт протокола. Здесь было иначе. Машина не отдавала приказов, не ссылалась на статистику, не приводила вероятности и не пыталась доказать свою правоту. Она просто сообщила и замолчала.

Медведь убрал телефон между корней сосны и поднялся. Вместо того чтобы уйти прочь от запаха человека, он повернул в его сторону.

Сначала шаг был медленным, почти случайным, затем появился второй. Через несколько минут он уже уверенно двигался между деревьями, стараясь держаться тени и не ломать лишнего звука.

Раньше Медведя постоянно изучали, за ним наблюдали, следили за состоянием и за каждым шорохом его показателей. За ним смотрели. Теперь смотреть хотел он.

Минут через двадцать Медведь нашёл первый след. Среди влажной хвои лежал окурочек — старый, размокший, наполовину втоптаный в землю тяжёлым ботинком. Рядом отпечаток протектора, ещё не тронутый временем. От влажной земли тянуло резким человеческим запахом — потом, табаком, оружейным маслом и чем-то ещё, чему в лаборатории не дали названия. Он узнал его мгновенно: им пахли коридоры комплекса, грузовые лифты и люди в белых халатах.

Медведь остановился над отпечатком, затем медленно поставил лапу прямо поверх чужого следа и двинулся дальше.

Солнце уже почти касалось кромки леса, и свет стал плотнее, тяжелее, как будто воздух сгущался вместе с ним. Запах больше не был рассеянным направлением — он вытянулся в линию. Тонкую, но уверенную. Человек не скрывался идеально; он двигался так, как движутся те, кто уверен в праве находиться здесь.

Медведь останавливался, поднимал голову и слушал. Лес отвечал привычным шумом — ветер, дерево, вода, редкие птицы. Но под этим слоем появилось ещё одно присутствие. Не звук и не запах, а ощущение сбоя, как если бы пространство на мгновение перестало быть пустым и стало занятым.

Он вышел на прогал между деревьями и остановился. Земля здесь была примята иначе — не случайно, а с той плотностью, которая не распадается со временем. Несколько следов пересекались, но один выделялся особенно: глубокий, тяжёлый, оставленный уверенной поступью. Рядом тянулась тонкая борозда, будто по земле волочили металл. Медведь наклонился ближе. Запах здесь давил сильнее. Человек был совсем рядом.

Он поднял взгляд туда, где деревья сгущались плотнее, и сделал шаг вперёд.

Он заметил это не сразу. Сначала было движение воздуха — не ветер, а короткий сдвиг, как если бы лес на долю секунды выбрал другое положение и тут же вернулся обратно. Медведь остановился. Запах человека стал резче, но потерял форму, словно удерживался в одной точке. Следы оборвались слишком чисто. Так не заканчивается путь живого.

Место, где человек должен был продолжить движение, выглядело нетронутым. Ни сломанной ветки, ни примятой травы, ни случайного следа. Лес не продолжал путь — он его скрывал.

Медведь медленно повернул голову влево, затем вправо. Пространство не изменилось, но стало менее определённым, как будто потеряло привычную честность.

Где-то совсем рядом хрустнула ветка. Один раз. Негромко, без спешки. Так ломается не случайное движение, а проверка звука.

Медведь замер.

Сзади, чуть выше по склону, между двумя соснами стояла тишина другого рода — слишком ровная, чтобы принадлежать лесу. Он не видел человека, но присутствие было таким же явным, как след до этого. И впервые за весь путь направление перестало быть вперёд — оно стало вокруг.

Он медленно поднял голову к кронам. Сначала там было только привычное движение ветвей и тени, но затем взгляд зацепился за участок, где тьма была собрана в одну точку. Он сделал шаг в сторону — точка осталась. Внутри неё появился короткий холодный отблеск, не отражение и не свет, а фиксация чего-то внешнего, вставленного в лес.

Медведь остановился.

И только после этого пришёл звук.

Щелчок.

Короткий, сухой, лишённый эха. Он не разошёлся по лесу, а просто зафиксировал момент, будто вырезал его из времени и оставил неподвижным. Медведь не узнал этот звук, но тело отреагировало раньше мысли — не страхом и не болью, а пониманием действия, которое не относится ни к охоте, ни к присутствию хищника. Как запись происходящего.

Он стоял неподвижно ещё несколько мгновений. Затем снова посмотрел в кроны, но там уже не было ничего, что можно было бы отличить от леса. Только тишина, ставшая чуть плотнее, чем раньше, и ощущение, от которого невозможно было избавиться: кто-то уже видел его в тот момент, когда он ещё не успел понять, что на него смотрят.

Глава 3

Щелчок давно исчез. Лес успел заполнить образовавшуюся пустоту привычными звуками — шумом ветра в кронах, журчанием воды и редкими криками птиц где-то над верхушками сосен. Любой другой зверь уже вернулся бы к своим делам. Но Медведь продолжал думать о нём.

Его не покидало до боли знакомое чувство. Он не сразу понял, что именно в нём откликнулось. Пока вокруг проходили секунды, память медленно возвращала его туда, где это чувство когда-то было постоянным. Ему хотелось вспомнить.

Ответ пришёл неожиданно. Не в виде мысли, не в виде ясного вывода, а как узнавание, поднявшееся из глубины само собой.

Его снова изучали.

Медведь ещё не понимал, что должен чувствовать теперь. Настороженность? Раздражение? Страх? Больше всего это почему-то напоминало облегчение.

Он не стал долго копаться в собственной голове. Лес напомнил о себе запахом человека. Охотник всё ещё был где-то рядом, но теперь его присутствие перестало казаться чем-то неизвестным и жутким. Оно стало понятнее. Если за ним наблюдали, значит, происходящее снова имело форму. А то, что имело форму, можно было найти.

Медведь сделал шаг. Уже не такой, как раньше. В нём появилось то, чего не было несколько минут назад, — уверенность. За первым шагом последовал второй, затем третий. Он снова двинулся по следу, но теперь шёл иначе. Не убегая от тревоги и не подчиняясь запаху, а пытаясь понять, кто именно смотрит на него из этого леса.

Запах становился всё отчётливее. Теперь Медведь уже не искал его специально. Тонкая человеческая нить сама тянулась сквозь лес, проходя между деревьями, цепляясь за влажную кору и оседая на примятой хвое. В ней не было ничего необычного: пот, табак, металл, старая ткань. Станным было другое. Человек словно не пытался скрываться.

Медведь остановился возле поваленной сосны и ещё раз втянул воздух. Запах был совсем свежим. Настолько свежим, что его обладатель должен был находиться где-то рядом.

Но лес оставался пустым.

Это начинало раздражать. Следы были. Запах был. Ощущение чужого присутствия тоже было. Не было только самого человека.

На мгновение Медведю пришла нелепая мысль, что охотник сейчас наблюдает за ним и забавляется происходящим. Он почти сразу отбросил её. Люди редко бывали настолько терпеливы.

На время Медведь решил, что довольно одних лишь запахов. Он прислушался к лесу, будто ожидая от него подсказку. Но всё оставалось на своих местах. Свет солнца с каждой минутой становился тяжелее и гуще, ручей всё так же обмывал камни на своём пути, ветер проходил между соснами. Сейчас не хватало лишь одного — дятел перестал упорно отстукивать своё дерево.

Медведь не сразу понял, почему это задело его сильнее, чем должно было. Лес постоянно менялся. Птицы перелетали с места на место, звери уходили в тень, ветки ломались, трава приминалась, вода уносила старые следы. Но сейчас исчезновение привычного звука ощущалось не как случайность, а как часть чего-то большего.

Он двинулся дальше, стараясь не терять человеческий след. Запах всё ещё оставался свежим и отчётливым, однако теперь Медведь всё чаще отвлекался на другое. Что-то изменилось. Не настолько сильно, чтобы назвать это опасностью, но достаточно, чтобы перестать чувствовать себя частью привычного леса.

Лишь спустя несколько минут он понял, что именно тревожило его всё это время.

Дятел вернулся.

Только теперь стук доносился откуда-то издалека.

Медведь остановился и поднял голову. Несколько секунд он просто слушал. Ошибки быть не могло. Птица по-прежнему занималась своим делом, но уже в другой части леса. Настолько далеко, что обычный человек, скорее всего, не обратил бы на это внимания.

Само по себе это ничего не значило. Птицы постоянно перелетали с дерева на дерево. Однако Медведь вспомнил, как ещё несколько минут назад ему показалось, будто лес потерял одну из привычных деталей. Теперь эта деталь нашлась вновь — только не там, где должна была быть.

Он медленно втянул носом воздух.

Запах человека никуда не исчез.

Следы тоже.

И всё же впервые за всё время поисков Медведь задумался не о том, где находится охотник, а о том, что заставило остальных обитателей леса держаться от этого места подальше.

Он ещё раз втянул воздух. Запах человека был настолько сильным, что искать его дальше становилось бессмысленно. Человек находился где-то рядом. Возможно, ближе, чем когда-либо за всё время поисков.

Однако лес вокруг оставался пустым.

Медведь остановился и медленно поднял голову.

Сначала он не увидел ничего необычного. Ветви старой сосны тяжело нависали друг над другом, собирая между собой вечерние тени. Ветер едва заметно покачивал верхушки деревьев, заставляя их тихо перешёптываться над лесом.

Потом взгляд зацепился за что-то неправильное.

Медведь замер не сразу. Несколько секунд он не мог понять, что именно видит. Тёмная фигура почти полностью сливалась со стволом, теряясь среди теней и хвои. Она была слишком неподвижной для живого существа и слишком правильной для случайной тени. Лишь потом сознание собрало отдельные детали в единое целое.

Человек.

Он находился там уже давно. Настолько давно, что лес успел принять его присутствие и одновременно отгородиться от него. Теперь становилось понятно, почему замолчал дятел и почему ближайшие деревья казались непривычно пустыми. Человек не скрывался. Он просто сидел неподвижно, превратившись в ещё одну часть пейзажа. Возможно, именно поэтому Медведь заметил его последним.

Медведь не двигался. Человек тоже оставался неподвижен.

Несколько секунд они смотрели друг на друга сквозь ветви старой сосны. И только тогда Медведь заметил странную вещь.

Охотник был один.

Ни запахов других людей. Ни шума техники. Ни далёких голосов. Только этот человек, его одежда, металл, табак и старый рюкзак, висевший за спиной.

Медведь вспомнил учёных. Обычно они приходили группами. Спорили между собой, что-то записывали, постоянно разговаривали. Даже когда изучали его, они всё равно оставались частью своей стаи.

Этот человек был другим.

Он сидел высоко над землёй, среди ветвей и вечерних теней, уже несколько часов наблюдая за существом, которое большинство людей считало бы невозможным. Всё это время рядом с ним не было никого. Ни помощников. Ни голоса в наушнике. Ни чужого движения за спиной. Только лес, медленно густеющий свет и большое бурое тело внизу, которое он зачем-то решил ждать.

Медведь попытался представить себе такой день. Сначала один час. Потом другой. Потом третий. Неподвижно сидеть на одном месте, почти не разговаривая, почти не двигаясь, наблюдая за лесом, который даже не подозревает о твоём присутствии.

Странно.

Ещё несколько минут назад эта фигура казалась ему чем-то чужим и непонятным. Теперь он неожиданно обнаружил между ними нечто общее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.